

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Пожалуй, в истории музыки сложно найти столь значимую фигуру, как Иоганн Маттезон. По своему влиянию на развитие музыкально-теоретической науки его можно сравнить с Гвидо Аretинским, Аврелием Августином и Боэцием. Его трактаты, самым известным из которых является «Совершенный капельмейстер», являются подлинной энциклопедией музыки немецкого барокко. Будучи высокообразованным человеком (он много лет служил секретарем английского посла, владел всеми европейскими языками, латынью и греческим), Маттезон педантично выстраивал свои трактаты согласно законам риторики и логики, придавая им поистине всесторонний охват.

При переводе текстов подобного уровня, обладающих глубочайшим слоем контекста, чуждого современному читателю, трудно избежать искушения перейти от простого перевода к толкованию слов автора. Но чтобы толковать автора, надо быть по меньшей мере равным ему. Современное образование в корне отличается от образования восемнадцатого века. Современный музыкант редко может похвастаться знанием нескольких европейских языков, а также латыни и древнегреческого, на которых он прочел множество трудов римских и греческих философов, тем, что он досконально знает Священное Писание, а также глубоко изучал законы риторики и логики. Этим занимаются филологи. Но проблема в том, что труды Маттезона все-таки имеют узкую музыкальную направленность. И большинство вещей, содержащихся в них, доступны для понимания только музыкантам.

Попытки перевести работы Маттезона на русский язык предпринимались и ранее. Например, философ и музыкант Я. С. Друскин в 1940 г. перевел несколько отрывков из трактата И. Маттезона «Совершенный капельмейстер». Рукопись хранится в архивах РНБ. Но до сих пор ни один из трактатов Маттезона не был издан в переводе на русский язык.

Мы представляем на суд читателя первую часть трактата И. Маттезона «Совершенный капельмейстер». Данная попытка перевода этого энциклопедического труда ставит своей целью познакомить русскоязычного читателя с явлением под названием «Маттезон». Возможно, если это издание вызовет интерес и найдет отклик среди музыкантов и историков музыки, найдутся энтузиасты, готовые перевести и другие трактаты этого прекрасного композитора и весьма плодовитого автора.

Я хочу поблагодарить всех тех, кто принимал участие в работе над этим переводом. Это, в первую очередь, мой муж, Даниил Подольский, который поддерживает все мои самые сумасшедшие проекты; мои коллеги-музыканты Андрей Решетин, Андрей Пенюгин, Ирина Шнегерова и все, с кем мне довелось играть прекрасную музыку; Елена Алексеева, которая перевела все латинские цитаты; Анастасия Бондарева и Yannik Benavides, помогавшие с французским и итальянским; и все те, кто поддерживал и помогал *mit Tat und Rat* (словом и делом) в этой работе.

M. Куперман

Совершенный капельмейстер.

**Основательное описание
всего того,**

**что должен знать, уметь и чем должен владеть
в совершенстве тот, кто желает с честью
и пользой руководить**

капеллой:

составленное

Маттезоном.

**Гамбург,
издательство Кристиана Герольда, 1739 г.**

Светлейшему
князю и господину,
Господину
Эрнсту Людвигу
ландграфу Гессенскому,
князю Херсфельда,
графу Катценельнбогена, Дитца, Цигенхайна,
Нидды, Шаумбурга, Изенбурга
и Бюдингена, и т. д., и т. д.
Моему милостивейшему князю
и господину.
Светлейший ландграф,
милостивейший князь и господин!

Самое краткое извинение обычно самое лучшее. Что послужит оправданием моей отчаянной попытки, выразившейся в этой работе, которую я нижайше посвятил **Его Великокн. Светл.** в силу превосходной ее тематики, если она не заслужит вашего княжеского взгляда? Да будет мне дозволено провозгласить:

Glück zu! Du heilige Kunst, von obenher entsprossen;
Der Freuden güldne Kron; das Labsal trüber Zeit;
Dadurch sich Himmels-Lust von Seel' ergossen:
Du bleibst der Selgen Sprach in alle Ewigkeit.
*Divum Hominumque voluptas*¹.

Искусство, корона, отрада, язык небес, радость богов и людей тому подтверждением.

¹ О, счастье! Святое искусство, рожденное на небесах,
Золотая корона радости; отрада в тяжелые времена;
С ним изливается небесная радость в сердце.
Ты остаешься на все времена гласом души.
Радость небу и людям.

Но есть и иные обстоятельства, не позволяющие мне усомниться в благосклонном приеме. Ведь помимо того, что, возможно, это последний раз, когда из-под моего пера выходит подобный учебник, **Его Великоки. Светлость** не только лучший судья и глубочайший знаток искусств, но и могущественный защитник и величайший покровитель музыки. Тем с большим удовлетворением я взял на себя смелость предварить священным именем **Его Великоки. Светлости** трактат, положивший конец моим музыкальным устремлениям.

Кроме того, при написании сего покорнейшего труда меня необычайно ободрило то милостивое, выраженное вместо желанного приказа, благоволение, кое **Его. Великоки. Светлость** соизволил вполне явно выразить по поводу моих намерений. В особенности примечателен тот случай, когда при последнем визите в Ханау господина королевского посла Великобритании **Его Светлость** совершенно незаслуженно благосклонно упомянул в разговоре с ним мои ничтожные заслуги почти тридцатилетней давности (я тогда частенько имел честь аккомпанировать пению **Его Светлости** на клавире) и, сообщив о них, Вы показали, что являетесь исключительным примером самого добросердечного, искреннего, справедливого и **криスタльно честного князя**.

Не знаю, есть ли необходимость в наше время, когда **немецкая честность** едва ли сыщется среди льстивых величаний великих мужей, оправдывать последнее из выражений. Но, насколько мне известно, уважаемые французские авторы знали не меньше нашего, когда величали Луи XIV *un Roi honnête Homme* [искренним человеком]: даже если они под этим подразумевали исключительную благовоспитанность утонченного придворного. Я же хочу сказать этим куда больше.

Конечно, поданные **Его Великоки. Светлости** могут вопросить, подобно вопрошавшим когда-то вюртенбергцам об их **Эберхарде: если бы Бог не был Богом, кто б мог им стать, кроме нашего государя?** На что Давид собственными устами отвечал: Господи! Не надмевалось сердце мое¹! Удивительно услышать подобное от правителя!

И третий постулат, на котором я строю свои рассуждения, супротив нынешнего обычая работяг авторов, кои тем более унижаются и подхалимничают, чем более желают казаться уважаемыми и великими. Ведь работяг и подхалимаж требуют определенных телесных наклонов. Я дерзну сказать, надеюсь, с согласия **Его Великоки. Светлости**, что при работе над этой книгой я сделал все возможное, чтобы получить не только разумное и всеобщее принятие, но, прежде всего, дабы снискать высочайшее одобрение **Его Великоки. Светлости**, изложив и разъяснив те истинные законы музыкальной материи, с коими не знакомы и некоторые именитые музыканты, или же те законы, что до сих пор никем не были исследованы научно и систематически.

¹ Пс. 130:1. — Примеч. переводчика.

Действительно, самые возвышенные мои намерения изложены в данном **опыте** простым стилем без прикрас (как и следует излагать учение), но того же я требую и от музыкальной композиции. Ведь именно тот стиль письма и композиции, что с первого взгляда многим покажется не слишком благородным и даже несколько простоватым, убедительно подтверждает свое превосходство. Так же и врожденное благородство легко затмит благородство притворное. *Le stile le moins noble a pourtant sa noblesse* [Наименее благородный стиль, однако, обладает собственным благородством], как говорил *Буало*. Насколько мне это удалось, пусть решает **Его Великоки. Светлость**; я же не забочусь об иных суждениях, если только **честный, справедливый и добросердечный ландграф Гессен-Дармштадский** сочтет мой труд хоть сколько-нибудь полезным.

Дабы Вы, Ваше Великоки. Светлость и в почтеннейшем возрасте, наследственные в дом Господень, во дворы Бога нашего, где и впредь можно слышать возносимую хвалу, неизменно оставались плодовиты, сочны и свежи¹, к великой чести **Римской Империи**, во благо **Его Великоки. Двора**, во славу почтенных искусств и наук, в особенности же музыки, вот мое неизменное желание, с коим и умолкаю в глубочайшем почтении к

Его Великоки. Светлости.

Гамбург, май 1739.

покорнейший слуга
Иоганн Маттезон.

¹ *Пс. 91:15. — Примеч. переводчика.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К «СОВЕРШЕННОМУ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРУ»

ERASM. In Adagiis, p. 140

*Pleraeque res sunt, quas si facias acriter, plurimum conducunt;
sin ignaviter, officiunt. Velut eae, quae mediocritatem non
recipiunt, quod genus est Musica Poeticaque. Sunt rursus quaedam,
quae degustasse sit satis.*

ЭРАЗМ. «Пословицы», с. 140

*Есть много вещей, которые, если делать их страстно,
приносят наибольшую пользу; если же делать их неохотно —
вред. Те вещи, что не терпят умеренности,
это Музыка и Поэзия. С другой стороны, есть нечто,
чего достаточно лишь слегка коснуться.*

I

Желающий обрести его, пусть ищет в Утопии. Так говорят те, кто пытается проникнуть в сущность понятия «совершенство». Те же, кому известны различные градации совершенного, довольствуются наилучшим из возможного, не ровняя людей с небожителями.

Не следует обвинять в гордыне автора, прилагающего все усилия к тому, чтобы достичь идеала в том или ином виде изящных искусств, доколе в пример он ставит не себя, но свои творения. Ведь мыслить проще, чем созидать.

С этой славной целью написано немало достойных **трудов**; в частности, вспомним знаменитого **Викефорта**¹, после которого в политическом мире говорят о **Хитреце** — совершенном дипломате, равно как и в военных кругах известен **совершенный капитан**. Подобно **Сенеке**, признающему мудрость стоиков, или **Цицерону**, говорящему о **совершенном ораторе**, другие авторы упоминают иные совершенства, которых не достиг еще никто в мире. Однако же все эти авторы, к коим причислен и господин **Хофрат Вольф**, представили все то, о чем они писали, в совершеннейшем виде.

С Божьей помощью и я хотел бы это сделать. И не оттого, что я способен вообразить капельмейстера, достигшего вершин совершенства; но лишь для того, чтобы иметь ясную цель перед собой, к коей

¹ *Abraham de Wicquefort* — голландский дипломат и писатель XVII столетия (1598–1686). — Примеч. переводчика.

следовало бы стремиться, дабы отречься от презренной посредственности, нестерпимой для поэзии и музыки. Во Франции говорят:

*Un Air, un vers passable
Ne valent pas le Diable.¹*

Все без исключения эрудиты убеждены в том, что невозможно одному человеку достичь совершенства даже в одном отдельно взятом виде искусства; для этого необходимо, чтобы множество ученых мужей сплотились в совместном труде, протянув друг другу руку помощи. Опыт показывает, что начинание лишь тогда будет успешным, когда в нем подобным образом объединятся усилия многих². Дойдет ли когда-либо до этого музыкальная наука и каким образом создать подобное творчество, вопрос открытый. Пока что очевидно одно — нет в мире совершенства (*n'en deplaise au Sr. P. H.*), а если называть вещи своими именами, то есть лишь противоположность несовершенству, которую мы можем обнаружить, сравнивая вещи одной природы. Посему породичным человеком мы называем того, кто действует честнее, чем это обычно принято³.

Тем временем, пусть и с долей иронии, я вынужден пожаловаться беспристрастному читателю на то, что моя несчастная музыкальная критика уже дважды, будучи совершенно живой, была вынуждена обратиться в призрак, скрывая свое прекрасное лицо под маскарадным костюмом. Тощий призрак нынешнего «Совершенного капельмейстера» был тут как тут еще до своего рождения: ведь он явил себя миру за год с лишним до того, как увидел свет; затем, правда, сразу же исчез. Что за диковинные приключения!

В первый раз его не заметили, да и возвращение прошло столь же тихо; хотя заглянув в «Музыкальную критику»⁴ еще раз, могу с чистой совестью поклясться: я сам его создал. Желающих это признать, хотя бы даже в память о моей статье, не нашлось. Со мной предпочли поступить так же, как в свое время Бюде⁵ поступил с Эразмом⁶. (Ни в коей мере не равняя себя с ним.) К счастью, при иных обстоятельствах ошибка

¹ Посредственные стихи или песня не достойны и дьявола. — Примеч. переводчика.

² T. *Acta crudit.* 202. Th. pp. 730—731. — Примеч. автора.

³ *En ce monde il n'y a rien qui soit parfait, s'il y a quelque chose a la quelle nous donnons ce nom, ce n'est qu'en la comparant avec d'autres de la meme espece, ou avec les imperfections qui s'y trouvent melees. C'est ainsi que nous appelons un homme de bien celui qui l'est plus, que les hommes le sont ordinairement. TEMPLE, sur l'affliction.* В этом мире нет ничего совершенного, и если есть что-то, чему мы бы могли дать это имя, то только сравнивая это с чем-то похожим, или с несовершенствами, которые там присутствуют. Таким же образом мы считаем зажиточного человека лучше, чем он есть на самом деле. Chevalier TEMPLE, «О скорби». — Примеч. автора.

⁴ *Der critische Musicus* — первый европейский музыковедческий журнал, издаваемый Иоганном Шайбе с 1737 года, где была напечатана статья Маттеозона «Совершенный капельмейстер, первая часть». — Примеч. переводчика.

⁵ *Guillaume Budé* (1468—1540). — Примеч. переводчика.

⁶ Гийом Бюде ни разу не упомянул в своих трудах Эразма, хотя тот неоднократно просил об этом. — Примеч. автора.

была признана обеими сторонами. И сделано это было весьма искренне и утчivo.

Однако я бы попросил доброго призрака не страшить впредь робких людей, а уж если ему непременно хочется играть роль пугала, то, по крайней мере, не использовать для этого принадлежащую мне маску. Я подарю ему на Масленицу новую, которая подойдет ему куда лучше той, что взята у меня.

Эй! Не правда ли, нет ничего более личного у автора, нежели заглавие его книги? Не говоря уж о ее содержании. Как-то раз, много лет назад я сообщил человеку, которого считал тогда своим другом, о своем намерении издать ораторию под названием «Музыкальное богослужение»¹. И что же? По прошествии весьма недолгого времени выходят из печати ноты под названием: «Гармоническое богослужение»². Вот так я лишился этого названия прежде, чем сам успел им воспользоваться. Нынешнее же, имеющееся у меня, куда лучше прежнего, и его стоит держать в секрете. Но шутки в сторону! От заголовка книги зависит чрезвычайно много; подчас даже больше, чем от всего текста. Посему не так уж приятно, если его у тебя стащат, пусть даже в нашем случае я почел это за честь для себя и вовсе не сердился. *Dantur enim honores molesti.* [Почести даются за труды.]

II Ценность гармонии

То, что когда-то высокоученый государственный муж барон Шпанхейм в предисловии к своей книге «*Cesars de l'Empereur Julien*» сказал о нумизматике, с полным правом можно здесь, с небольшими уточнениями, сказать и о музыке. «К несчастью, мы вынуждены признать, что даже самые образованные и великие мужи от музыки не ведали вовсе, а лишь немногие усердные почитатели музыки, — одни за неимением такой возможности, другие за отсутствием времени или достойного руководства, — постигли те преимущества и великую пользу, которую могли бы извлечь для себя из музыки остальные науки и искусства»³.

¹ Ориг. *klingenden Gottesdienst*. — Примеч. переводчика.

² *Der harmonische Gottesdienst* Телемана. — Примеч. переводчика.

³ Например, не следует делать из *морской трубы* (*Trompette Marine*) трубу Марии (*Marien-Trompete*), и не стоит называть *хорал* (*der Choral*) *хоралой* (*das Choral*), и т. п. Относительно морской трубы, которая ныне все реже используется на кораблях для услаждения слуха, заметим, что, как следует из текстов Глареана, а также Афинея и Платона, лучше же всего — Преториуса, она имеет две или четыре струны. Подобный инструмент звучит над спокойной водой как целый хор труб. Итальянцы называют его *Tympanischiza*. Это нелепое слово, заимствованное из искореженного немецкого слова *Trummelscheit*. Но этот инструмент вовсе не называется «труммельшайт», и кроме того, не имеет ничего общего с барабаном (нем. *Trommel*. — Примеч. переводчика). Раньше *Trompete* (труба) произносили как *Trommete* или *Trummet*, откуда и произошло название *Trumscheit* (трумшайт. — Примеч. переводчика), поскольку, как уже сказано выше, этот инструмент звучит издалека как 2, 3 или даже 4 трубы вместе. Это примечание могло бы быть использовано в словаре Вальтера. — Примеч. автора.

Их оппоненты, а именно музыканты, или, скорее, музыкантишки, себе в угоду превратили ее в самое низкое ремесло, ярмарочный балаган, рыночную торговлю, а то и вовсе в сборище шутов».

Это сравнение [музыки и нумизматики] тем более справедливо, если вспомнить о том, сколь многие собирают монеты лишь для того, чтобы их уважали за их жажду нового, а вернее — старого. Им подражают те, кто собирает у себя дома множество прекрасных музыкальных инструментов, в особенности разукрашенных и изящно покрытых лаком клавесинов, лишь для того, чтобы показать: **вот истинные ценители**. Другие полагают, что монеты служат лишь для того, чтобы обозначить те немецкие слова, которыми они названы. Так и большинство полагает, что музыка, даже если она представляет собой похоронный марш, существует в этом мире лишь для того, чтобы услаждать слух и скрашивать досуг. И наконец, третьи собирают монеты для того, чтобы их потом продать. Равным образом, некоторые учатся петь, играть и сочинять, дабы извлечь из этого какую-то для себя выгоду, или же вовсе забывают со временем, зачем им это нужно.

Все они встали на неверный путь. Ведь истинные ценители и знатоки этих двух искусств [музыки и нумизматики] убеждены в том, что нумизматика проливает ярчайший свет на историю и старину, а гармония премудро воспевает¹ Господа на этом и на том свете. Неуч этого не поймет: к тому потребно истинное усердие и глубокое разумение. Послушайте, что Стил² говорит³ об этом. Позвольте перевести с английского, как это сделано выше с французского, на немецкий.

«Нет ничего (пишет этот мудрец), что захватывало бы дух и завораживало бы более, чем гармония: в ней-то и заключается непреходящая благодать: у нас есть все основания полагать это, читая описания славы небесной в Священном Писании. И если музыка, созданная лишь мастерством рода человеческого, способна столь чудесным образом волновать душу, сколь более возвысит ее та музыка, в коей воплотится вся мощь гармонии. Чувства есть способности души, а не тела, хотя они и не могут проявляться без соответствующих телесных средств. Зачем же лишать себя сих способностей и отменных свойств, если опыт подсказывает нам, что через них душа наполняется радостью? Почему, спрашиваю я вас, следует лишать себя утех, дающих истинную полноту благодати на том свете? Стоит ли усомниться в том, что наш слух и зрение смогут насладиться тем, что нам всего приятней и что абсолютно недоступно в этом царстве теней?»

¹ Как говорится в Псалме: пойте разумно. *Ps. 47, 8. — Примеч. автора.* [в православной Псалтири Пс. 46:8 — Примеч. переводчика.]

² Sir Richard Steele (1672–1729) основатель журнала «Зритель». — Примеч. переводчика.

³ Соавтор «Зрителя» № 580. То, что магистр Бернд столь пренебрежительно отзывает о «Зрителе», говорит нам лишь о его помраченном рассудке. — Примеч. автора.

III Происхождение музыки

Всякий разумный читатель имеет все основания недоумевать, встречая у многочисленных досточтимых, как старинных, так и современных авторов невыносимое количество чепухи о происхождении музыкального искусства. Существует и множество тех, кто приписывает изобретение музыки простым смертным; в основном это те, кто утратил веру.

Другие, чьи идеи не получили до сих пор ни малейшей поддержки, ошибаются еще более первых, пусть и из лучших побуждений, когда они вслед за Лукрецием наделяют неразумных птиц правом создания божественной музыки. Один из них¹ вообще пишет, что **первыми создали вокальное искусство обезьяны, передразнивая птиц**; тогда как, если кто и обезьянничает, так это, на мой взгляд, сей добрый муж. Ведь сквернословит обычно тот, кому нечего сказать.

Новый анонимный автор, кажется, примирил обе эти идеи — людей и птиц — между собой, таким образом, что, представляя Еву создательницей первых точных звуков, не отказывает себе в том, чтобы назначить любезных птиц ее предшественниками, чье прелестное наставление вызвало такую ревность у прародительницы человечества, что она попыталась использовать собственное горло².

Третий, глубокоуважаемый и широкоизвестный автор, которого мы с полным правом можем отнести как к старым, так и к новым³, пишет о происхождении пения, исключая участие в нем крылатых свистунов: **у человека был наставник куда более умелый, нежели птицы, и лишь ему одному следует возносить за то хвалу: ведь музыка есть воистину дар Божий**⁴.

Хотя в этом высказывании, безусловно, есть своя правда, следует отметить, что Господь раздает свои дары не без помощи определенных орудий и средств. Ангелы пригодны для этого лучше, нежели людские или птичьи наставления: что совершенно очевидно следует из слова Божьего, здравого смысла, а также из превосходной книги несравненного **Мильтона**, названной им «**Потерянный Рай**».

¹ *Jac. Fridr. Reimman. Histor. literar. antediluv. P. 117* — Примеч. автора.

² *L'aimable compagne du premier mortel fut l'inventrice des premiers son mesures. Des qu'ell eut entendu les gracieux Accens des oiseaux, devenuè leur rivqle elle essaya son gosier. Disc. sur l'Harmonie, à Paris 1737. P. 5.* [Очаровательная спутница первого смертного (Ева) стала создательницей первых отмеренных звуков определенной длительности. Как только она услышала прекрасное пение птиц, она стала их соперницей, попробовав свой голос. Беседы]. — Примеч. автора.

Цитата из книги Жана-Батиста-Луи Грессе (1709–1777), Гармония речи. Париж, 1737. — Примеч. переводчика.

³ Этот славный человек стар годами и описывает по большей части историю древности; новизна же его в полной мере видна в последнем, из его трудов. — Примеч. автора.

⁴ *L'Homme a eu un plus excellent maître, auquel seul il doit faire remonter sa reconnaissance. La Musique est un présent de Dieu etc. Rollin, dans son Hist. anc. T. XI. P. 160. Paris 1737.* — Примеч. автора.

«Даже самый лучший соловей свистит однообразно, не порождая ничего иного, кроме неразборчивых и невнятных звуков, похожих друг на друга, но ничего для человека не значащих; в них нет души, нет жизни, нет смысла. И хотя они порой услаждают наш слух, однако же, не трогая ни ум, ни сердце, не пробуждают чувств: они непригодны для тех пронзительных изменений и чередующихся звуков, кои присущи искусству гармонии, всякий раз представляющему нам нечто новое и прекрасное, неизвестное и разнообразное, ибо каждый звук (NB) есть мысль»¹. Так он пишет об этом Фаринелли среди птиц.

Некоторые богословы, опираясь, кроме прочего, на Талмуд, утверждают, что состояние невинности, в коем Адам и Ева пребывали в раю, продолжалось всего несколько часов². Многие считают, что оно, как и шаббат, продолжалось, по крайней мере, с пятницы до воскресенья.

Это, однако же, весьма сомнительно, ибо, прежде всего, пока еще человек был без жены, Господь привел и показал ему всех тварей земных, которым Адам должен был дать имена³: для чего, говоря человеческим языком, требуется немалое время, стоит лишь вообразить себе все количество и многообразие животных земных, птиц небесных и рыб морских⁴. После сего значительного деяния Адам погрузился в глубокий, а значит, и долгий сон, во время которого была сотворена женщина и ему по всей форме представлена. Сие также не могло случиться в один миг: ибо Писание подтверждает, что Адам пustился в размышления о столь новом и важном явлении.

И хотя рассказано об этом лишь в нескольких словах, для исполнения потребовалось немалое время. Прежде чем был объявлен запрет на вкушение плода, несомненно, люди успели обойти рай хотя бы раз (ведь то, что следует **возделывать и хранить**, нужно хотя бы раз увидеть), чтобы разглядеть разницу с другими деревьями, чьи плоды **были хороши на вид и приятны на вкус**; равно как и лицезреть берущие там начало четыре основных потока⁵. Общее мнение о местонахождении рая сходится к тому, что он находился в Месопотамии возле Армении, т. е. под раем мы подразумеваем земли, находящиеся между Тигром и Евфратом и простирающиеся до Армянских гор. И впрямь, неплохой уголок! Также существует предположение, что Адам и Ева лакомились

¹ Toujours uniforme le Rossignol n'a que les mêmes sons inarticulés, sons sans expression, sans ame & sans vie: il sçait plaire; il ne peut pas toucher ni passionner; incapable de ces inflexions penetrantes & de cette variété des Accords que l'Harmonie sçait conduire avec tant d'Art, toujours différente d'elle même & toujour belle, chacun de ses sons est un sentiment. Disc. sur l'Harmonie, à Paris 1737. P. 5. [Жан Филипп Рамо, Речь о Гармонии, Париж, 1737 г.] — Примеч. автора.

² Parerius, in Genesin, Lib. VI. quest. I. — Примеч. автора.

³ Быт. II, 19-20. — Примеч. автора.

⁴ Как вы думаете, сколько времени нужно, чтобы всех пресмыкающихся и насекомых даже не назвать, а просто подсчитать, ничего не упустив? Одних только съедобных рыб существует 153 вида, не считая китов и хищных рыб. Не говоря уж о *Saxatiles*, *Crustacei*, *Testacei* и пр. — Примеч. автора.

⁵ Имеются в виду Фисон, Гихон, Хиддекель и Евфрат. Быт. 2:10-14. — Примеч. переводчика.

плодами других деревьев, прежде чем, соблазненные Змеем, вкусили запретного плода.

Отсюда следует, что в обычной жизни люди не смогли бы все это совершить за три-четыре часа. А посему невозможно опровергнуть мнение **Кальвизия**¹ и других, полагающих, что человек провел в невинности десять дней (и это достаточно мало), прежде чем покинуть рай. В некоторых трудах этот срок увеличен до сорока дней, а в иных даже до тридцати трех с половиной лет².

Если одни делают слишком много, может статься, что другие, напротив того, успевают слишком мало. Я бы хотел лишь обозначить некоторые временные рамки. Приверженцы мнения о том, что период невинности длился всего несколько часов или дней, могут привести немало возражений; однако те, кто увеличивает это время до многих недель или лет, приводят еще более убедительные аргументы.³

В целом, весьма вероятно, что у первых людей было достаточно времени, дабы изо всех сил своим разумом, исполненным божественного света, волей и стремлением, всем своим великолепным и совершенным существом, а в особенности голосом славить Создателя, будучи единственной целью Творения, следуя примеру святых ангелов, своих предшественников и предводителей, которые беспрерывно прославляют и восхваляют Господа звуками и пением⁴. Как уже сказано, мы не можем определить точную продолжительность, ибо у Бога и тысяча лет как один день пройдет, а ангельские дни сродни годам, как известно богословам⁵.

Многие отцы церкви с полным основанием полагают, а Священное Писание подтверждает⁶, что до сотворения видимого мира сего на небесах правили и властвовали силы и стихии, называемые ангелами. Ангелы, хоть они и являются по сути своей духами, могут принимать форму, играть на инструментах и, как Михаэль, воплощаться во плоти и крови сколь угодно часто и много. А поскольку и мы, спасенные в воскресении, станем им подобны⁷, становится понятно, что за чудесные способности к гармонии должны были иметь эти небесные музыканты испокон веков.

¹ Зет Кальвизий (лат. *Sethus Calvisius*, нем. *Seth Kalwitz*; 1556–1615) — немецкий астроном, хронолог, историк, теоретик музыки и композитор. — Примеч. переводчика.

² *Cornelius a Lapide, in Genesin, cap. III. v. 23.* — Примеч. автора.

³ *On peut faire d'assez bonnes objections à ceux qui ne font durer que quelques heures l'état d'innocence ; mais on en peut faire de beaucoup plus fortes à ceux qui le font durer des semaines ou des années.* Bayle, Diction. sub voce, ABEL. Можно убедительно возразить тем, кто считает, что состояние невинности длилось всего несколько часов; но можно еще более убедительно возразить и тем, кто считал, что оно длилось недели или годы. Исторический и критический словарь Бейля. — Примеч. автора.

⁴ *Opus eorum est Hymnus IRREMISSUS.* Труд ангельский состоит в беспрестанном восхвалении. *Athanas. & ex illo Mithob. In Psalmodia Christiana*, p. 212. — Примеч. автора.

⁵ *Vid. Luther in Daniel.* — Примеч. автора.

⁶ Кн. Иова, Гл. 38. — Примеч. автора.

⁷ Матф. 22:30. — Примеч. автора.

Посему неверно утверждение о том, что вокальная музыка **первонациально и истинно** старше инструментальной: поелику ангелы и святые в Библии имели всевозможные музыкальные инструменты, в частности, арфы и трубы, равно как и струнные и духовые инструменты, и играли на них столь же часто, как и пели, еще до сотворения Адама. С людьми иное дело, у них музыка вокальная существует дольше инструментальной, о чем было в свое время¹ сказано.

Даже если принять всю приписываемую Адаму ученость за чистый вымысел, каковым она, возможно, является, нельзя отрицать, что совершеннейший Творец создал его по своему образу и подобию; и в которого в тот же миг по примеру и образу ангельскому, без долгого обучения, а лишь путем божественного воздействия вдохнул прекраснейшие, достойные восхваления и служения высочайшей мудрости, искусства, коими ангелам вслед во славу Божию занимался он в невинности.

То, что смертные после грехопадения утратили столь многое от врожденного совершенства, как и то, что подобное мастерство и примеры оного по большей части были забыты, а значит, осталась лишь жалкая тень того великолепного гармоничного бытия, которым они наслаждались в раю, в той же степени логично, в какой горький труд землепашца далек от райской радости, где садовником был сам Бог. Чем чище и тоныше воздух, тем яснее звучание.

Поскольку в раю (месте обитания ангелов, *coeli aquei*) воздух был чистейшим и тончайшим, то и звучало там все бесподобно: приходится признать, что вне райских кущ на проклятой земле звучание сие неописуемое утрачено просто в силу различий местности; да и сам человек, трудясь в поте лица своего, куда менее желания и потребности находит в радостном пении и игре на инструментах. Как известно по опыту, ночью или на морозном воздухе все звучит лучше, чем днем, в жару или в тумане. Что в полной мере подтверждено силой и распределением *Vehiculs* [движущихся частиц материи].

Ошибаются те, и **Бейль**² среди них, кто наделяет человека после грехопадения теми же силами или способностями к науке или искусству, что он имел ранее, опираясь на то, что даже падшие ангелы после свержения не утратили своих чудесных свойств. Даже если это утверждение в остальном справедливо, то в отношении музыки, о которой я собственно и веду речь, это совершенно не так: ведь, если когда-то проклятый дух и восславлял Господа в прекраснейшем из созвучий, то теперь он на это не способен. А его прежние изысканные гармонии превратились в жалобный вой, который, если не по сути, то уж, по крайней мере, по своему звучанию и исполнению совершенно невыносим.

¹ В предисловии к “*Kern melod. Wissensch*” («Основы мелодического учения...», Маттезон, 1737) § 22. — Примеч. автора.

² Пьер Бейль (фр. *Pierre Bayle*) (1647–1706) — французский мыслитель, философ и богослов. — Примеч. переводчика.

Что мешает нам полагать, что первые люди в состоянии невинности славили Господа куда более и в тысячу раз лучше, чем после грехопадения? Отчего бы не рассказать вслед за **Мильтоном**, как «здесь они, склоняясь благоговейно, с искренней любовью, молитву утреннюю вознесли, творимую усердно, день за днем, всегда на разный лад. Неистощимы высказывания их высоких чувств, святой восторг внушиает им слова все новые, достойные хвалу Создателю и в песнях и в речах воздать, без подготовки; их уста вещали складно прозу и стихи столь сладко-гласные, что звуки арф и лютен не могли бы им придать гармонии»¹? Эти слова Мильтона я помещаю ниже в оригинале в угоду тем читателям, что разумеют по-английски, но не читали творений сего прекраснейшего из поэтов².

Что за преступление, если мы вместе с вышеупомянутым автором опишем божественное торжество седьмого дня Творения, в котором Адам, безусловно, принимал участие, будучи осведомлен обо всех обстоятельствах оного? «Опочивая от Своих трудов, Он День Седьмой теперь благословил и освятил, — отдохновения День от всех Господних дел; но проведен сей день отнюдь не в тишине святой; не почивала арфа, и тимпан, и флейта праздничная ни на миг не умолкали. В сладкозвучный лад сливался инструментов нежный звон золотострунный, вызванный перстами, с многоголосым пением хоровым и гимнами отдельных голосов. От золотых кадильниц фимиам, струясь, обитель Божью укрывал клубами облаков. Небесный клир Творение и шестидневный труд Создателя, в восторге, так воспел: — Прославлен, Иегова, ты в делах Твоих, во всемогуществе Твоем! И т. д.»³

¹ Джон Мильтон. Потерянный рай. Здесь и далее перевод Аркадия Штейнберга. — Примеч. переводчика.

² *Lowly they bow'd adoring, and began
Thir Orisons each Morning duly paid [145]
In various style for neither various style
Nor holy rapture wanted they to praise
Thir Maker, in fit strains pronounc't or sung
Unmeditated, such prompt eloquence
Flowd from thir lips, in Prose or numerous Verse, [150]
More tuneable then needed Lute or Harp*

(Мильтон, Потерянный рай, Кн. 5, с. 144–151. — Примеч. автора.)

³ *Now resting, bless'd and hallowd the Seav'nth day,
As resting on that day from all his work,
But not in silence holy kept; the Harp
Had work and rested not, the solemn Pipe, [595]
And Dulcimer, all Organs of sweet stop,
All sounds on Fret by String or Golden Wire
Temper'd soft Tunings, intermixt with Voice
Choral or Unison; of incense Clouds
Fuming from Golden Censers hid the Mount. [600]
Creation and the Six dayes acts they sung,
Great are thy works, Jehovah, infinite
Thy power*

(Мильтон, Потерянный рай, Кн. 5, с. 144–151. — Примеч. автора.)

Примечательно, что **Мильтон** вводит ангела **Рафайла**, который, рассказывая Адаму обо всем, что случилось, как до, так и после Творения, напоминает ему об этом и в изысканных словах воспевает Творение, повелев Адаму и его потомкам так же славить Господа, как прославляли и воспевали его до самых небес (*in coelum empyraeum*) задолго до того, как он, Адам, пришел в этот мир¹.

Не говорит ли нам само Слово Божие о том, что ангелы созданы нам в защиту, служение и назидание? Однако же, более всего в этой защите, служении и назидании нуждались первые люди. В этом поэтическое повествование и святой вымысел **Мильтона** основываются на Священном Писании и на истине.

С другой стороны, не говорит ли нам Слово Божие о том, что святые ангелы есть наивысшие из существующих музыкантов и певцов? Исаия слышал их пение, почему же Адам не мог его слышать? Всем известно, сколь пышно распевала небесная капелла *Sanctus*. Один хор пел: Свят! Другой ответствовал: Свят! После чего оба хора сливались в один (как у нас все трубы в органе) и возглашали громко, слаженно и мощно: Свят Господь Саваоф!²

У Евангелиста Луки³ ангелы поют «Слава!», в откровении Иоанна — Аллилуйя⁴. Первое слышат пастухи в поле, второе — апостол. Отчего же добрый Адам, пребывая в состоянии невинности, должен был быть менее обласкан Божьей милостью, нежели те, кто жил после него? Ведь Господь сделал его повелителем мира. Если никто не отрицает, что Адам слышал глас Божий, отчего подвергать сомнению тот факт, что он слышал пение ангелов? С кем говорит Господь, с тем говорят и слуги его. И довольно об этом.

IV

Доказательство того, что понижение тоники создает жесткий⁵ лад, а повышение оной — мягкий

Естественному порядку вещей нет иных причин, кроме тех, что следуют из согласованных и чередующихся физических соотношений. Например, из семи диатонических ступеней первые две образуют мягкие

¹ So sung they, and the Empyrean rung,
With Halleluiahs: Thus was Sabbath kept.
And thy request think now fulfill'd, that ask'd
How first this World and face of things began,
And what before thy memorie was don
From the beginning, that posterite
Inform'd by thee might know; if else thou seek'st
Aught, not surpassing human measure, say!

(В конце Кн. 7 Потерянного Рая. — Примеч. автора.)

² Исаия 6:3. — Примеч. автора.

³ Лук. 2:14. — Примеч. автора.

⁴ Откр. 19: 1-6 и т. д. — Примеч. автора.

⁵ Маттезон называет мажорный лад «жестким», а минорный «мягким». — Примеч. переводчика.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru